ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ

Слуги Господни

Продолжение. Начало в № 89

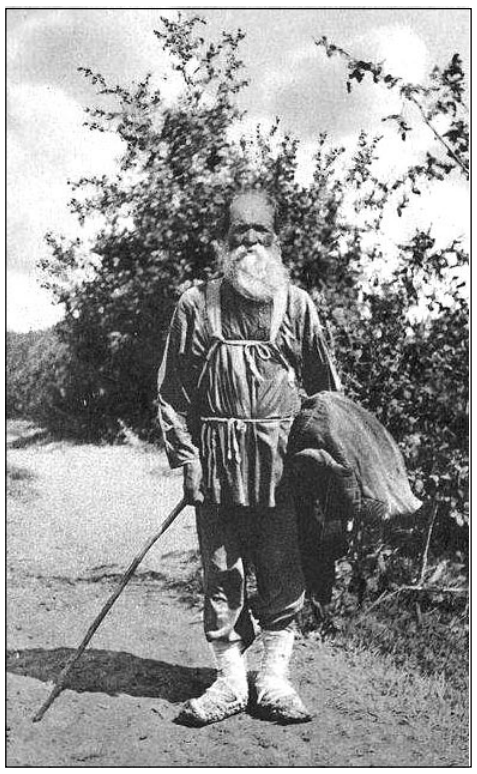
Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз о церковной жизни Балакова и о его церковнослужителях. В предыдущем номере мы рассказали о том, как господствующая церковь боролась с раскольниками.

«СКРЫТАЯ УГРОЗА»

Вопреки давно укрепившемуся в сознании балаковцев утверждению, что Балаково основали старообрядцы, раскольников на самом деле в 40-х гг. XIX в. здесь было не так уж и много. Всего 33 семейства. С учётом того, что семьи были многодетными, это где-то чуть более двухсот человек. Причём среди них – немало вдов. Под первым же номером в списке балаковцев-раскольников 1848 года – 60-летняя вдова Варвара Антоновна Рослякова. С ней жили 37-летний сын Алексей с женой (детей у них не было), 30-летний сын Иван с женой и двумя детьми, великовозрастные дочери-девицы Надежда, 38 лет, и Елена – 24-х.

Часть балаковцев не имела фамилии, в сегодняшнем понимании этого слова, и величались по имени отца семейства: Ивановы, Игнатьевы, Фёдоровы и т.п. Однако были и фамильные: Мухины, Красильниковы, Шерстянкины, Пестовы, Кузнецовы, Исаевы, Вилковы, Коломаскины, Заслоновы. Самые известные в то время – Золотовские и Шикины: главы этих семейств неоднократно избирались сельскими старостами.

Балаковские раскольники своего храма не имели. Сначала они отправляли церковные требы в старообрядческих Иргизских монастырях, а потом, после их ликвидации, в одной из немногих сохранившихся в Николаевском уезде старообрядческих церквей, которая находилась в Криволучье. Ещё они пользовались «услугами» раскольничьих священников, которые попрятались в Черемшанских скитах около Хвалынска.



Богомолец (фото конца XIX в.)

Старообрядцев в Балакове не преследовали – только уговаривали отказаться от своей веры. Но за тем, чтобы никаких обрядов церковных они в селе не совершали, следили строго. Причём священникам господствующей церкви, при поддержке местной власти, разрешалось даже обыскивать подозрительных людей.

Весной 1852 года будущий святой, священник Троицкой церкви Александр Юнгеров остановил на улице незнакомого человека «немолодых лет, у коего под левою рукою синяя сумка, а в правой – крашеная палка, опираясь на которую, шёл он мерными шагами». Ну, а дальше уж предоставляем слово самому церковнослужителю, который написал рапорт епископу Самарскому и Ставропольскому (напомню, что в то время Балаково относилось к Самарской губернии, а значит, и к Самарской епархии):

«В сумке, как это я мог заметить, лежит книга, а не что-либо другое. Поэтому счёл за нужное узнать достовернее, что именно находится у него в сумке. Почему, остановив его, спросил: кто ты, откуда и что у тебя в сумке? Ответствовал он мне: «Саратовской губернии Волгского (Вольского. – **Ю.К.**) уезда села Куликовки госпожи Милашевой крестьянин Дионисий Михайлов, а в сумке у меня 12 псалмов, поёмые на Афонских горах, окроме них нет ничего». Услышавши о псалмах, подозвал его поближе. Велел ему подать сумку для собственного моего рассмотрения, где нахожу:

1) рукописную книжку по заглавием: чин како подобает петь 12 псалмов;

2) тоже рукописную книжку, содержащую в себе: а) скитское покаяние; б) чин како подобает самому себя причаститься пречистых и животворящих Тайн Христовых;

3) рукописный венчик, полагаемый на тела умерших;

4) запасные дары, по его названию, для причащения себя нужды ради, состоящие из семи частиц крупных и нескольких мелких, завёрнутые в бумажке (это слово подчёркнуто. – **Ю.К.**).

Закончивая этим осмотр сумки, спрашиваю: есть ли у тебя письменный вид на прибытие сюда? Ответствовал: нет. Засим беру его с собою и представляю лично в Балаковский Удельный Приказ, где он – Дионисий – в присутствии Головы, Мирского Старосты и Писаря Приказа вновь спрашивается: кто он, откуда и имеет ли письменный вид? Ответствовал точно так же, как и мне одному. Потом, немного спустя, именуется иноком Уральского старообрядческого монастыря (в общем Сырту находящегося) Дионисием, звания, из которого поступил в монашество, не помнящим. Был он будто в городе Волгске для покупки деревянного масла, которое, купивши, отослал со старцем Андреем в Черкасские леса Волгского уезда, где там он с ним имел жительство настоящего года в подземельной келье. В Балаково только сегодня пришёл для покупки сапог и потом намеревался отправиться в Черкасские леса. При нём по пересмотру сверх упомянутых мною вещей найдено:

1) монашеская скуфейка (шапочка. – **Ю.К.**);

2) воскрилия монашеской одежды (воскрилия – нити синего цвета, которые, в напоминание заповедей Божиих, нашиваются на бахроме вокруг одежды. – **Ю.К.**);

3) плат набойчатого холста с шнуром;

4) очки;

5) две сумки: одна – белая, а другая – синяя;

6) денег 2 р. 55 коп. серебром;

7) ножечик (так в тексте. – **Ю.К.**) складной.

Но как к означенным вещам, найденных у инока Дионисия, должны быть и прочие принадлежности, относящиеся до священнодействий, а Дионисий отозвался, что кроме тех вещей никаких ещё не имеет и квартиры своей в Балакове не объяснил, то посему предположили: для отыскания таковой и учинения обыска отправиться в дома балаковских единоверческих начетников, которым свойственнее прочих принять к себе такого человека, что и учинено Головою Балаковского Приказа Яблошниковым, Мирским Старостою Вьюшковым и удельным крестьянином Фёдором Миловым в присутствии меня, но квартиры Дионисия не отыскано, священных его вещей тоже. Кроме как из них в двух домах таковых единоверческих начетников найдено:

У 1-го) удельного села Балаково крестьянина Егора Фирсанова: а) несколько мелких, таких же, как и у Дионисия, частиц, лежавших на белой тарелочке, покрытых ситцевым жёлтым воздухом (платком. – **Ю.К.**) с нашивным осмиконечным крестом; б) рукописная книжка во 168 листов, в которой между прочим помещён чин исповеди и в) три просфиры нецелые. Все вещи эти у Фирсанова были вместе, одна подле другой в холодной горнице пред иконами.

У 2-й) удельной пожилой девицы того же села Аграфены Дмитриевой Федосеевой в холодном чулане найдено крошек несколько просфорных, завёрнутых в бумажке, и одна частица с несколькими мельчайшими частичками в особой бумажке, похожая на Святые дары по красноте своей. Частицы сие лежали в маленькой деревянной чашечке, в которой была таковая же ложечка. Девица сия долго ратовала, не давая нам сих вещей.

Упомянутый инок Дионисий со всеми вещами отправлен в 1-й стан Николаевского уезда, а удельный крестьянин Егор Фирсанов и девица Аграфена Дмитриева на свободе, о чём покорнейше и рапортую…»

После этого и Дионисия, и всех остальных тщательнейшим образом допросили и ничего архипротивозаконного, за что можно было бы в тюрьму отправить, не обнаружили. Зато удалось уговорить бродячего монаха присоединиться к единоверию. Что он и сделал, благополучно перебравшись на постоянное место жительства в Спасо-Преображенский единоверческий мужской монастырь.

Юрий КАРГИН

Продолжение следует